

Это будет самый здоровый и красивый город в мире!

МОСКВА РАСТЕТ К ЮГО-ЗАПАДУ

Если на Швивой горке у Яузской больницы построить дом в пятнадцать этажей, то балкон верхнего этажа будет соответствовать высоте плато новой юго-западной территории Москвы и Ленинских гор.

Кто не любознателен с Ленинских гор прекрасной панорамой Москвы, кто с высокого берега села Коломенского не смотрел на далекие перспективы юго-восточной части города. Многие, вероятно, бывали на обрывистых берегах Москва-реки у Куцева.

Москва-река прихотливо извивалась, разрезала город — новый район существует ей, начинался на Западе Кушелев и кончался Ленином (бывшим Парижским) на юго-востоке.

Москва имеет 28 000 гектар. Она получит 16 000 гектар здоровой территории для жилья.

Из трех сквозных пересекающихся восточной магистралей диаметров два непосредственно выводят на новую юго-западную территорию.

Первый от Имайловского парка по направлению Б. Черкизовской улицы, Краснопресненской, Охотского переулка, Мухоморова, Остоженки, Лужников, мостом с эстакадами через Ленинские горы, через Центральный подрайон новой территории к зеленому массиву селения Теплый стан.

Второй от Останкинского парка через Марину рощу, Рождественскую, Китай-город, Ордники, Тульскую, Серпуховское шоссе в юго-западный подрайон новой территории.

Первый диаметр, проходящий по новому району, образует центральный осязательный проспект, по нему через Ленинские горы и Москва-реку пойдут жители юго-западного нового района к Дворцу советов.

Для связи между собой отдельными частями нового района параллельно направлению Москва-реки создаются боковые магистрали общим протяжением до 28 километров — проспект, который соединит все три подрайона на новой городской территории.

Западный Кушелевский подрайон соединится с городом новой магистралью, совпадающей с направлением Можайского шоссе.

Дороги будут взбираться на холмы, с которых открываются широкие виды на окрестности, дороги спускаются в долины ручьев. Запад будет завершать Фили—Кушелевский парк. Парк будет одним из лучших в московской парковой системе.

По долине реки Сетунь будет создан второй парк. Река обводнится. Плотины преградят путь, река создаст большие володы, в которых разрастется прибрежная зелень. Холмы высоких берегов будут оформлены зданиями, к воде поведут зеленые террасы и склоны.

Парк реки Сетунь объединится с Центральным на Ленинских горах и будет служить одним из каналов здорового воздуха загородных лесов.

Третьим парком, обслуживающим новую территорию города, является зеленый комплекс района селения Теплый стан. Парк этот сетью дорог будет подходить к Главному проспекту новой территории — мощной трехполосной зеленой полосе.

Центральный парк — лучшее место в Москве. Единственная в городе парковая дача, дающая представление о размерах города. Парк этот, величина свыше тысячи гектар, будет самым приближенным к центру города, от него проспектом и зеленой полосой по набережной зорной видна о новой территории пройдет до центра и объединится с другой зеленой полосой, которая пройдет от Имайловского и Сокольнического парков, по долине реки Яуза.

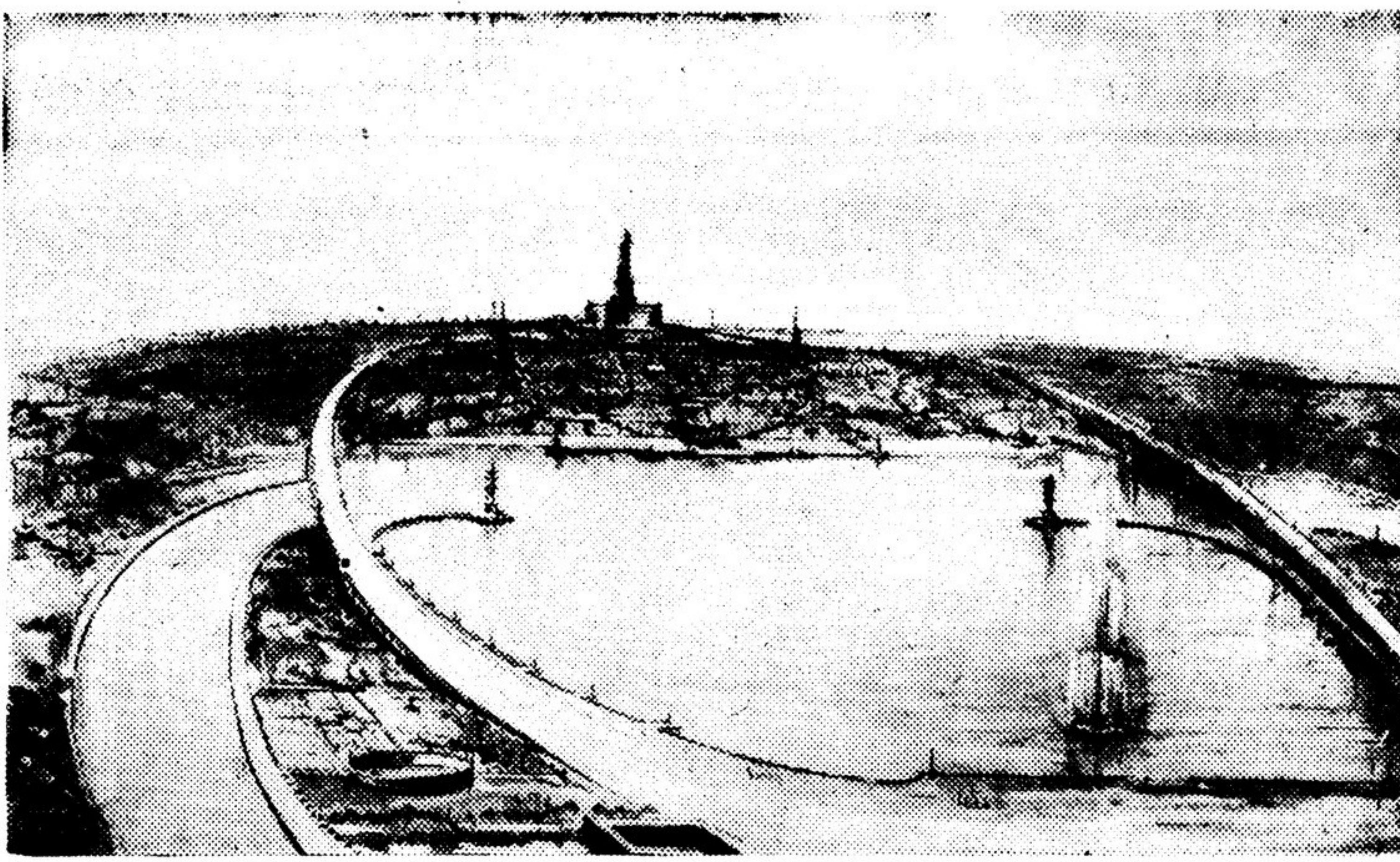
Юг новой территории получит парк в районе селения Звонко, условно называемого Южным. Зелеными каналами по окраинам около Катутарского шоссе парк этот объединится с Москва-рекой и новым парком у Новиков-Ногатина.

Чистый воздух придет к промышленным гигантам Пролетарского района — заводу им. Сталина, «Шаркоподшипник» им. Кагановича.

Наконец, с юго-востока новая территория завершится комплексом из двух парков — Коломенским и Ленинским (бывшим Парижским).

На каждого жителя Москвы приходится 10 квадратных метров зеленого. Новый план даст до 40 квадратных метров на человека.

Арх. ДОЛГАНОВ.

Юго-западный район Москвы. Эскизный проект Ленинских гор и водного бассейна Лужников. На Ленинские горы вьются эстакады.

НОВАЯ МОСКВА

Андре Лурса

Чтение программы реконструкции города Москвы не вызвало во мне чувства удивления. С тех пор, как воюю с гравитационными размерами программ, предлагаемых архитекторам.

Однако, несмотря на привычность больших масштабов советских концепций, чтение этой программы, предложенной урбанистам и архитекторам Советом народных комиссаров и Центральным комитетом коммунистической партии, меня заворожило в высшей степени: мы присутствуем при назначении такого размаха, которого не помнит история архитектуры.

Реконструировать город с пятимиллионным населением с помощью современной техники, в условиях грандиозных возможностей, созданных социализмом, — это факт исключительной важности, и я глубоко рад, что работаю именно в этот исторический момент в Москве и таким образом могу участвовать в реализации этой программы.

Уже много лет изучая проблему урбанизма, с каждым днем я все больше убеждаюсь, в какой степени всякая операция большого значения обречена на абсолютную невозможность выполнения при капиталистическом строе.

Зачем же десятилетия работ показывает, что составители плана сумели учесть все детали с самой существенной стороны, точно расценив каждую в отдельности, для того, чтобы город в своем ансамбле мог дать впечатлительные единства и красоты.

Самое интересное в проекте, быть может, это вода и зелень. Введение этих живительных элементов придает городу новый аспект. Впечатление тяжести, которое не покидает нас при посещении некоторых городов Запада (результат преобладания застроенных массивов над свободными пространствами), будет уничтожено в новой Москве.

Антагонизм, столь заметный между городом и деревней, наконец сломлен удивляемся, когда внезапно встречаем человека, которого не видели лет десять-пятнадцать. Все перемены — нам кажется, что их тысячи, — сразу бросятся в глаза. И вот я советую: так как Москва менялась все время и во всех своих углах, следует обратить внимание на вторую половину фразы: «Чтобы острее почувствовать разительность перемен, надо отгруппировать в какой-то Мозаике, которая будет показывать перемены, происходящие за целый десяток лет. Расскажу, для пояснения, следующий случай.

Нас было пятеро. Мы встретились как-то вечером в кафе, и у нас пошел разговор о совершенных нами путешествиях. Все мы были опытными путешественниками, побывали на Памире и на Дальнем Востоке, в Муганской степи и в белорусских болотах, в горах Кавказа и в тундре, в Якутии, Молдавии и Чувашии, в Сирии, Греции и Турции, входили на три вершины, плавали в семи морях, пересекли пять океанов... коротко говоря, было о чем рассказать и что вспомнить и чем похвастаться. Израилью набравшись, стали молча пить пиво. Молча закурили, и кто-то вдруг сказал:

— Товарищи, а кто из вас был на Воробьевых горах?

Тут все посмотрело на вопросившего и сперва улыбнулось, а потом привнялось, что...

Поклонной горе? А в избе Кутузова? Она казалась, что из пяти человек, из пяти всемирных путешественников, как мы сами себя называли, четверо никогда не были ни в Филах, ни на Поклонной горе, ни в избе Кутузова. А Ленинские, или Воробьевы, горы из всех пяти видели только двое и то в раннем детстве. И еще оказалось: мы все знали, как пробраться из Болодино в Верхнеколомнское, и как идти из Оша в Хорго, но почти никто не знал, какой трамвай идет в Филы и вообще идет ли туда трамвай. А ведь Филы — это Москва! И тот единственный путешественник, кому была известна таинственная дорога в Филы, был там в последний раз десять лет назад. Скажу с некоторой гордостью: этот единственный был я.

Кто-то предложил: — Давайте поедем туда завтра. Решили. Поехали. Вернее, поехали пешком. И, оказавшись на траверсе Киевского вокзала, я воскликнул: Товарищи, десять лет не ступаю дальше мой ноги.

Так я шел в Филы и глаз мой, как говорится, отмечал множество неожиданных и удивительных перемен. Я посмотрел вниз и увидел, что непротоптанная Дорогомозовка выложена гладким асфальтом. Я посмотрел в сторону и увидел длинную аллею. Она тянулась вдоль всей улицы, зеленая и тенистая. Я не помнил здесь ни одного дерева. Не будучи садовником и не изучая какие-то козылки, я все же смог определить, что этим деревьям не больше лет, а тридцать лет. Следовательно, их преисполнили взрослыми, по новому способу, впервые примененному после революции. Школа! Ее не было в мою пору. Вот старинные коридорчики у эстакады. Здесь был трамвайный круг, легкая канчалась. Но я увидел, что трамвай идет дальше, вглубь длинного и широкого Можайского шоссе. Пропал автобус, которого тоже не было. Когда показались ширококоленные универсалы, выискивал от светофора, и ска-

зал: не было также универсалов, как не было и светофора, который выискивал...

Я отлично знал, что такое Можайское шоссе. Это — разожженное булыжным несчастьем с трухлявыми хибарками по сторонам и дымящими выхлопными чайниками, протоптанная, как армяк. Но я увидел вместо булыжника асфальт, а вместо уцелевших хибарок — десятки новых пятиэтажных домов. Я увидел их на углу Второй Новой — множество белых и красных корпусов с магазинами, клубами, аллами и клубами. И асфальтовое шоссе ушло до все далеко, и встречались укатанные стволы с танкеточными треугольными камами и крутами, и трамвай переставало куда, обходя каустовые и каргофельные поля, и на горе стояла огромная обожженная трансформаторная станция, и заблестели крыши новых заводов — и всего этого (раньше) не было, и все это я увидел впервые. Когда же мы дошли до Филей, то действительно увидели хуторскую избу, которая была и прежде, но за ее плечами — множество новых и старых улиц, площадей, заводских корпусов, учебных заведений, клубов, магазинов... и всего этого (раньше) не было.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ... Говорят, первая любовь мужчины всегда неудачна. Говорят, причина в том, что юноша влюбляется в девушку одинаковой с ним лет, а девушки, говорят, созревают раньше, и тут-то заложен секрет вечной трагедии первой любви.

Правда это или неправда, но каждый из нас попадает через много лет в город своего детства и вспоминает, что тут где-то, на какой-то улице, в каком-то доме, жила девушка, которая некогда работала его соседкой и ему дохотел снова ее увидеть. Что стало с ее койкой? Кто ее муж? Есть ли у нее дети? Играет ли еще на роле управления Гаюна и «Ле уа ди кор», танцует ли еще танго, ту-стен и лезгинку.

Так ищем мы следы своей юности в Саратове, Одессе или Пензе, и чаще всего разочаровываемся, потому что любовь, как история, повторяется дважды — в первый раз как трагедия, и во второй раз как фарс.

Не в этом, однако, дело. Я заговорил о первой любви потому, что и Москва является городом детства... и в Москве ищет девушка с бывшими косями, ищет, где эта улица, где этот дом...

Случилось, что лесной техник, проработавший четырнадцать лет в верховьях Амура, получил двухмесячный отпуск, отправился проводить лето в Москве. Кинулся к старым друзьям. В Большой театр. В Третьяковскую галерею. В Исторический музей, на стадион «Динамо», в Сокольники, в Останкино, в Архангельское, в кафе «Национал», в Парк культуры и отдыха, в «Эрмитаж». Глотал все преувеличенными порциями. Тратил пять рублей в день на метро, так как по четыре раза сбегал и поднимался на эскалаторе. Целые дни звонил по телефону, суетился, собирал друзей. Кого-то угощал и требовал, чтобы его угощали. Наконец утомился и, пришло мне, признался, что ему захотелось снова увидеть ее, ту самую, в которую он...

— Это было девятнадцать лет назад. Она сказала: я люблю вас, вы

РОЖДЕНИЕ ПЛАНА

Архитектор создает проекты зданий и чертежи, на том материалы, которые составляют генеральную схему, вспоминается немало эпизодов, характеризующих роль т. Кагановича в этой работе.

Так создаются дома, появляются улицы, вырастают города. Но первое слово говорят люди новой профессии — планировщики. И город рождается на чертежах планировщиков. Они несут на кальку ленту новых улиц, кварталов новых кварталов, зеленые пятна новых садов и парков.

250 архитекторов-планировщиков, сотни экономистов и ученых, десятки институтов, бригады транспортников, прачки и садоводы принимали участие в громадной работе — составлении генерального плана реконструкции Москвы.

Планировщики изучали прошлое, чтобы увидеть прекрасный город будущего. Часами в планировочном отделе Московского совета смотрели древние планы Москвы. В духу социалистически чертили времена Иоанна Грозного. Планировщики пытались выяснить по этим планам социальную историю города.

Наша столица будет лучшей в мире. И планы крупнейших городов мира — Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Рио — внимательно изучались людьми, создавшими величайший план величайшего города.

На чертежной бумаге и глаголивой калыке рождалась Москва. Проекты планировщиков, порой даже невыполнимые, ибо надо было, что многие из них в своих мечтах о новом городе отрывались от реальной почвы, — корректировались и уточнялись на заседаниях архитектурно-планировочной комиссии Моссовета.

Этим заседаниям руководил Лазарь Моисеевич Каганович, чья работа интереснейшая Иосиф Виссарионович Сталин.

Главный архитектор Москвы — Лазарь Моисеевич Каганович — с необычайной прозорливостью, деловитостью и конкретностью руководил созданием генерального плана Москвы.

Неоднократно Лазарь Моисеевич вызывал нас в Московский комитет, — говорил проф. С. Чернышев. — Когда смотришь на громадные планы

и чертежи, на том материалы, которые составляют генеральную схему, вспоминается немало эпизодов, характеризующих роль т. Кагановича в этой работе.

Поражала исключительная энергия Лазаря Моисеевича, который буквально зажил нас всех, когда он развертывал сталинскую программу реконструкции Москвы. Я вспоминаю, как однажды, через час после многочасового совещания с архитекторами, Лазарь Моисеевич открыл заседание архитектурно-планировочной комиссии.

Лазарь Моисеевич конкретно разбирал каждый проект. Эти заседания были своего рода академией большевистского отряда работы, которому мы, архитекторы, учились у т. Кагановича.

Группа архитекторов и планировщиков была принята т. Сталиным и совместно обсуждала генеральный план реконструкции.

Выступление т. Сталина произвело на нас, архитекторов, громадное впечатление. — рассказывает т. Бабуров, руководивший 9-й планировочной мастерской. — Мы поняли, что наш любимый вожь знаком во всех деталях с огромными материальными планами.

Архитектурная молодежь и даже многие маститые планировщики често увлекались и в своих мечтах забывали о том, что Москва строилась веками и что есть историческая последовательность в плане сегодняшней Москвы. Какой должна быть будущая Москва — это стало нам совершенно ясным, — говорит т. Бабуров, — после выступления т. Сталина на совещании в Кремле.

Это была незабываемая встреча. Г. Г.

Детям о Москве

Книгу П. Лопатина о Москве выпустит в 1936 г. для детей старшего возраста Детизд. Такие же книги намечено издать для младшего возраста и дошколят.

В этом году из книг, посвященных Москве, в Детизд выйдут «Метро» П. Лопатина (для старшего возраста) и сборник рассказов и стихов о строительстве и труде московского метрополитена «Готы» (для малышей). В сборнике участвуют Л. Коосиль, Н. Григорьев, С. Розовов, Е. Тараканов, Е. Благина и др. Кроме приведенных писателей в сборник включены четыре рассказа строителей метро. Все книги будут богато иллюстрированы фото и рисунками.

План новой Москвы

«План новой Москвы» выпускает на немецком и английском языках Идательство иностранных языков в СССР. Книга содержит ряд руководящих материалов и статей о реконструкции столицы и постановке СНК и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Москвы.

Сборник о Москве

Идательство Государственной академии архитектуры заметило к выпуску в 1936 г. большой сборник, посвященный генеральной реконструкции города Москвы. В составлении книги примет участие крупнейшие архитекторы и искусствоведы столицы.

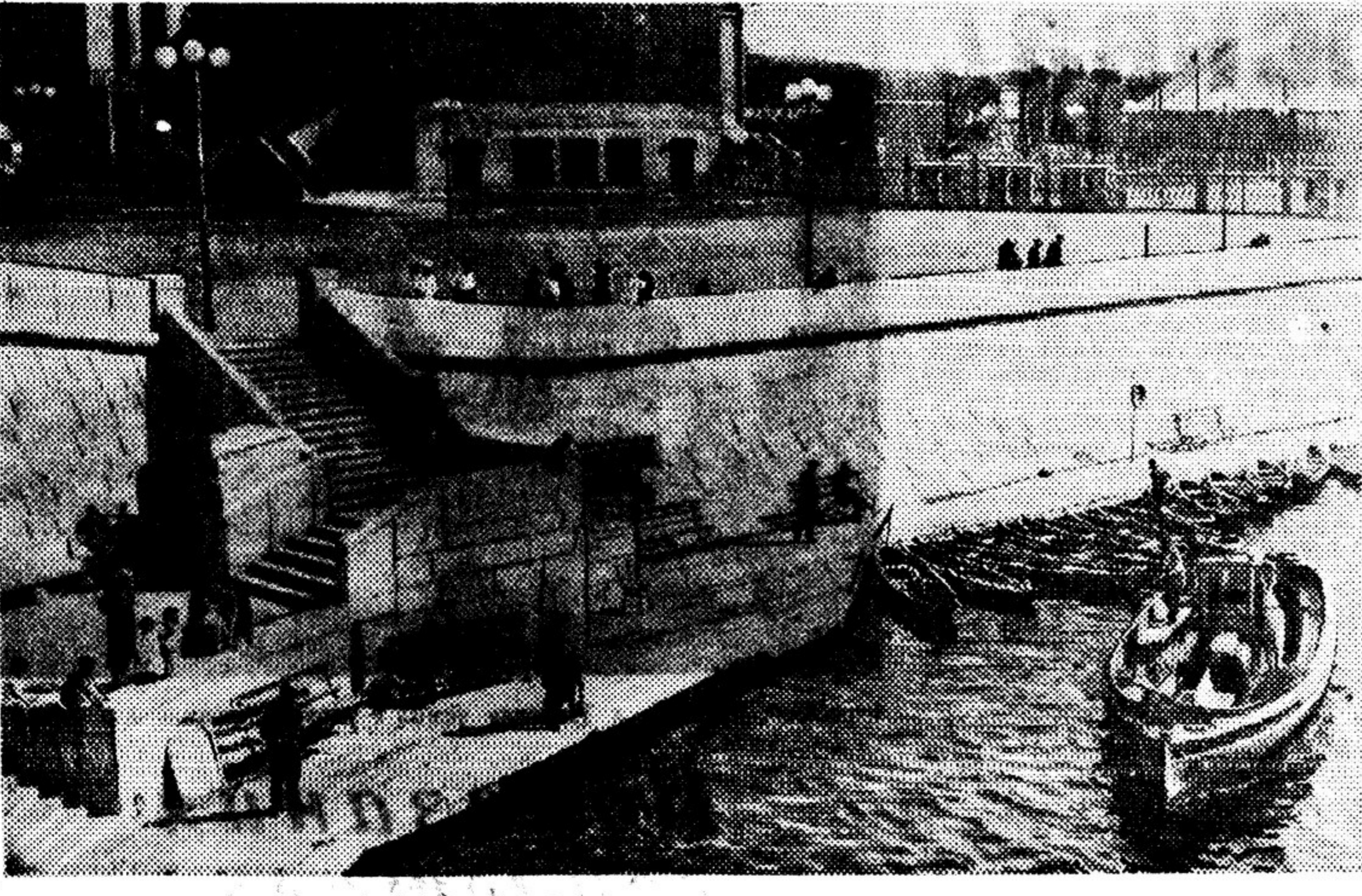
Большое место в плане сборника отводится освещению работ архитектурно-планировочных мастерских Моссовета.

Здание ННПС после реконструкции (снято из вестибюля станции метро «Красные ворота»).

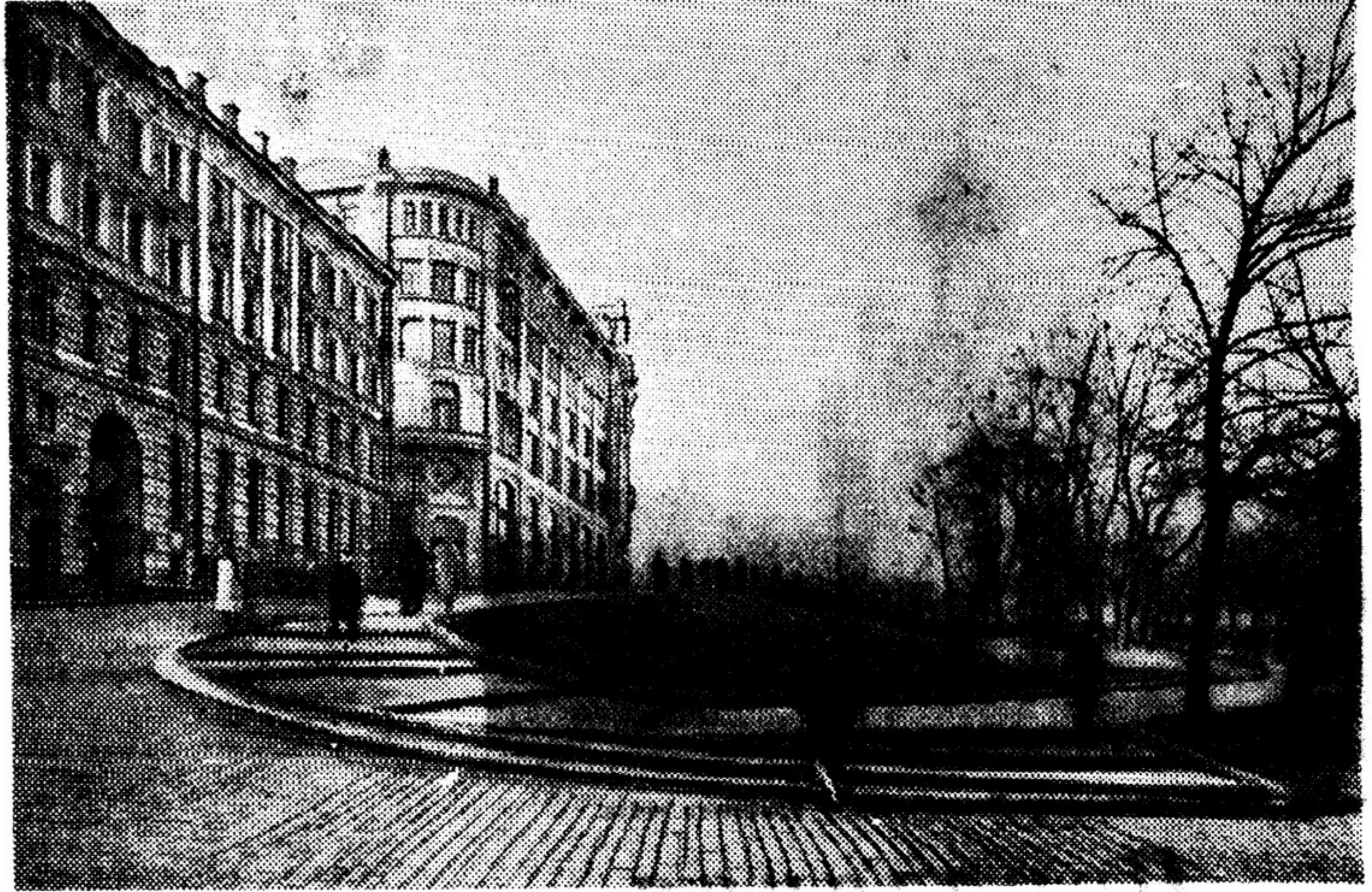
Фасад Дворца физкультуры при заводе им. Авиахимии.

ТРАМВАЙ

Е. Габрилович

Лодочная пристань у гранитной набережной ЦПКИО им. Горького.

Старая площадь после сноса Китайгородской стены.

МЫ ЛЮБИМ МОСКВУ

«Представь себе огромный съезд художников, скульпторов, ученых, путешественников; они комбинируют планы, описывают все известные им города, высказывают мнения и предложения иностранцев, обсуждают преимущества и невыгоды стороны существующих городов и представляют планы и, наконец, из сотни тысяч планов выбирают один — образцовый план, который им кажется совершенным. Это будет город прекраснейший, что здесь все граждане равны, что здесь все делает»

Нет страны в мире, в которой молодому архитектору открывались бы такие просторы, как в нашей стране. Но не существует также искусства, основанного на точном знании в такой мере, как архитектура. В архитектуре творческий расчет приходится обычно на зрелище, на видение города. Наряду с молчаливыми, над реверансами Москвы работают Желтокопый Шугев, Цико, Чернышев, Фокин, Голосов, Фришман, Ифан. Им поручается проектирование самых ответственных объектов. Все перечисленные здесь архитекторы — представители старшего поколения. Они успешно сложились до революции. Более того, уже тогда были они признаны наиболее выдающимися представителями архитектурного искусства...

И вот — отказывается надежный провожатый. Не то чтобы у него не хватало знаний. Никто в мире не знает, что возмужают эти дома. Эти ушающиеся дома: доходящие камнями корки, базарного величия фасады, реальные особняки, которые Юданы бы служили поводом к истории архитектуры, потому что нет стены, которая бы не участвовала в создании фасада любого особняка.

И вот — отказывается надежный провожатый. Не то чтобы у него не хватало знаний. Никто в мире не знает, что возмужают эти дома. Эти ушающиеся дома: доходящие камнями корки, базарного величия фасады, реальные особняки, которые Юданы бы служили поводом к истории архитектуры, потому что нет стены, которая бы не участвовала в создании фасада любого особняка.

И вот — отказывается надежный провожатый. Не то чтобы у него не хватало знаний. Никто в мире не знает, что возмужают эти дома. Эти ушающиеся дома: доходящие камнями корки, базарного величия фасады, реальные особняки, которые Юданы бы служили поводом к истории архитектуры, потому что нет стены, которая бы не участвовала в создании фасада любого особняка.

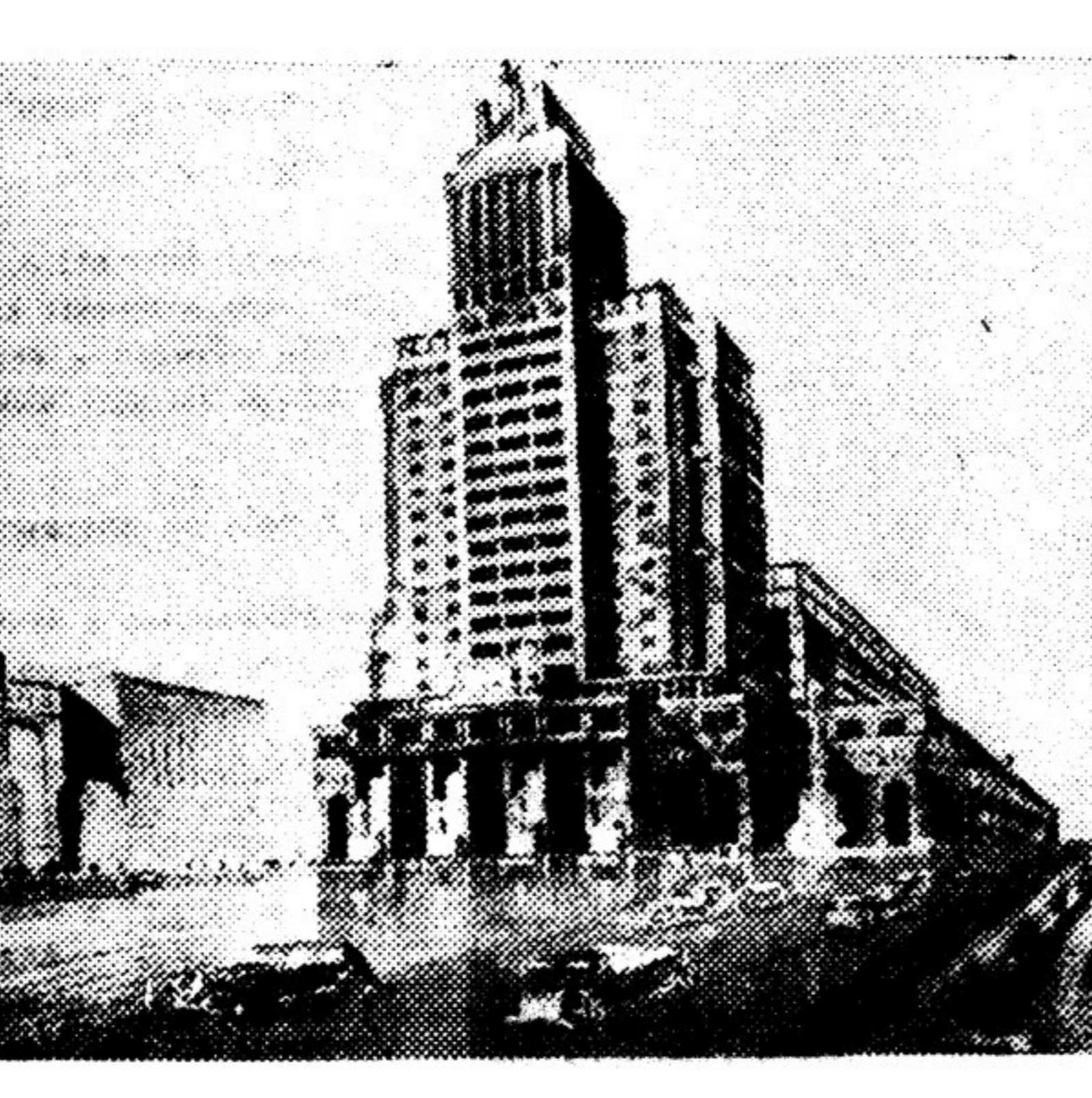
И вот — отказывается надежный провожатый. Не то чтобы у него не хватало знаний. Никто в мире не знает, что возмужают эти дома. Эти ушающиеся дома: доходящие камнями корки, базарного величия фасады, реальные особняки, которые Юданы бы служили поводом к истории архитектуры, потому что нет стены, которая бы не участвовала в создании фасада любого особняка.

И вот — отказывается надежный провожатый. Не то чтобы у него не хватало знаний. Никто в мире не знает, что возмужают эти дома. Эти ушающиеся дома: доходящие камнями корки, базарного величия фасады, реальные особняки, которые Юданы бы служили поводом к истории архитектуры, потому что нет стены, которая бы не участвовала в создании фасада любого особняка.

ДОМ КНИГИ

Этот дом — один из самых красивых и высоких зданий Москвы. Он расположен в центре города, на улице Мясницкая. Проект Дома книги — проф. И. А. Кавенниг.

Этот дом — один из самых красивых и высоких зданий Москвы. Он расположен в центре города, на улице Мясницкая. Проект Дома книги — проф. И. А. Кавенниг.

Цветит Дома книги.

Мы забываем старую Москву. Старейшие бульвары на Петровке, Арбатской, которые помнят, как жил трамвай по Тверской.

Трамвай на Арбате тоже изгладится вскоре из нашей памяти. Он отступает, трамвай. Некогда могучий, всесильный, он постепенно освобождает одну магистраль за другой. Автобусы, троллейбусы и метро теснят старика. Да, он в почте еще, он трудится много, усердно и плодотворно. Но дни его сочтены. Реконструируясь, Москва отводит трамвай из центра. Пройдут года, исчезнут трамвайные рельсы и мачты, и разве где-нибудь за городом будет попрежнему стучать и жужжать трамвай — былой властитель дум, наш сверстник, наш друг, прославленный, почтенный, но устаревший.

И точно: слава трамвая пошла, пора писать биографию трамвая. Намечены же здесь всевозможные черты этой биографии и помощь историографам уходящей Москвы.

Во время империалистической войны в Москве было всего 820 моторных трамвайных вагонов. К этому времени москвичи впервые почувствовали, что значит висеть на подножке и, пробиваясь к выходу, спрашивать: — Вы спходите на следующей? Военная Москва. Стрелковые ларьки торгуют английским бостоном, сварганившим в Марьиной роще. В петровском театре «Минотавр» плещут аргентинско-танго. Громят немецкие матаджи. В Москву прибывают беженцы, военные, десантеры, продавая повидла и часовых стрелок, доходящие зубные щетки и выходящие абажурки. Население увеличивается с каждым месяцем. Первые трамвайные атаки. Первые трамвайные остроты, первые завесдаты трамвая.

Утлый московский трамвай терпит под этим неслабым натиском пассажиров. Вагонный парк пополняется вагонами, эвакуированными из Риги. Это были крохотные вагончики, вначале они перевозили раненых и пленников. Огля вагончики были выбиты, немцы в отчаянии, австрийцы в дрянных, голубых как тебеш пиджаки, утило катящихся в них.

«Пленники везут». Люди плавают в пленниках. Какой-нибудь преслабый поверный, освободившийся из международных обочаек, выказывает пленных кулак. Пленные, жоргая, отвращиваются.

1920 год. Мерзнет Москва, третят водопроводные трубы. Огненные плакаты революции. Газеты расклеены на стенах. Москва. Зима. Человек везет санки. Пахнет и теплотрава на лодке — московский человек 1920 года.

Трамвай почти не видать. Нередко пробьешь в асфальт и сыплются и тухля трамвайные рельсы. Остановки трамвая столь редки, что их даже не ждут на остановках. Кондуктор не принимает в уплату денег. Водит в трамвайное окошко только по специальным удостоверениям. Удостоверения даются рабочим, отработавшим, студентам. Розовые удостоверения! Я помню их и сейчас. Имя, отчество, фамилия, место службы, должность. И внизу: «Предъявитель сего имеет право неограниченного проезда по маршруту № 6 в обе стороны». Что подписаны и печатами удостоверения.

Но вот кончаются годы войны. Революция отступает и украшает свою столицу. Растет и крепнет московский трамвай. Уже не парк, а мощная, зеленая масса. И Волга в гранитных берегах у стен Кремля. И многие театры, дворцы искусства и здания, дворцы, институты, школы, стадионы, библиотек. Неужели героический труд, которым будет это рождено, и высокое воление, с которым мы встретим его, останутся незамеченными на страницах?

Но есть — еще одна черта Москвы, о которой — живописцы — нельзя забывать. Еще Платон писал, что в каждом городе существует не один город, а несколько. Один город — город богатый, другой — бедный, третий — припадочный бедняк. Потому легко воевать с городом, ибо в нем внутри его всегда можно найти союзников, с помощью которых нетрудно победить.

Работа монументалиста

Заслуженный деятель искусств В. А. ФАВОРСКИЙ

Произошло очень важное событие — утверждение и обнародование плана реконструкции Москвы. В основном многие из нас были уже с ним знакомы, но самый факт утверждения и доведения до общественности произвел на всех очень сильное впечатление.

Только в СССР возможно и задумывать и осуществлять подобный грандиозный план. И самый характерный план также возможен только у нас в Союзе.

Город в недавнем прошлом у нас и на Западе воспринимается совершенно особенно. В литературе, хотя бы у Достоевского, мы видим, как город переживает этот город. Это дремучий лес, но без его тишины и спокойствия. В нем человек терпится. В нем больше чем где-либо возможно желательное или нежелательное для героя одиночество. В нем может человек страдать вплоть до смерти, и никто этого не заметит. Это есть и у Бальзака, и у Пушкина в «Мелном всаднике», и хотя бы у Гамсуна в «Голде». Можно реконструировать город, не изменяя в нем вот этой его странной черты, и величественные здания городов не лишают их эту странность.

В плане реконструкции Москвы намечается содержание социалистического города: широкая общественная жизнь. Таким образом, город уже сразу мыслится как единое целое с его основными магистралями, с рекой, с общественными центрами и т. п.

Опубликование плана многие организации и лица восприняли как радостную, совместную творческую работу. И архитекторы, и скульпторы, и живописцы, и в частности монументальная секция МОСХА, объединяющая в себе кадры монументальных живописцев, выразили живейшее желание участвовать в реконструкции Москвы.

Для этого секция выработала ряд конкретных предложений, наладив связь с районами и кроме того решила в будущем зимним сезоном организовать выставку монументальной живописи в проектах, фрагментах и фотографиях в различных техниках для того, чтобы вынести кадры монументальных живописцев и познакомить с ними общественность.

Выражая желание участвовать в реконструкции Москвы, я думаю, каждый сознает и ту ответственность и трудность, которые предстоит в архитектуре, и скульптуре и живописи. В плане новой Москвы наиболее функционально выражается социалистическое содержание. Когда же этот план будет облекаться телом, предметом податливости, в которой размещается реликвия.

В связи с постройкой радиодома реконструируется вся Мясницкая площадь. Она расширится, украсится скверами. Перед наружным экраном Радиотеатра на площади будет воздвигнут гранитный амфитеатр для 10.000 зрителей.

метно осуществляемым, то возникнет вопрос об образном выражении, о стиле, и это при все большем раскрытии содержания, при углублении образа превратится конечно и большие трудности. Общий ритм сейчас залудимого плана — не нарушить динамики, а развить в каждой плоскости и в то же время ответственнейшей задачи.

Несомненно, в этом должен участвовать и цвет и цветное изображение: фреска, сграффито, мозаика, витражи и т. п. Художник цвета должен соучаствовать в творчестве и с архитектором и с скульптором. То, что архитектура сейчас обращается в большей мере к цветному материалу, это не отменяет цветную задачу, а только дает ей большее содержание. Цвет в материале — это, конечно, то, к чему должно стремиться в архитектуре, так как только таким образом можно достичь большой содержательности цвета, обильнейшего сразу и цвет, и фактуру, и внутреннее строение материала, и поэтому немалую роль в этом должна сыграть цветная штукатурка с возможными для нее комбинациями, с орнаментом и фигурными изображениями, сделанными способом сграффито. Это дает сильные ритмические цветовые средства, но и трудности, которые должны быть преодолены. Хотя бы проблема орнамента. Она еще у нас никак не решена, а роль орнамента, между прочим и цветного, колоссальна. Но если сейчас вопрос цвета архитектуры как-то ставится, то в скульптуре вопрос о цвете совершенно отсутствует, и роль цветного как консультанта была бы здесь очень уместна. Если в архитектуре уход от простой покраски к цветному материалу в какой-то мере необходим, то в скульптуре хотелось бы даже видеть прямо таки поиски цвета, так как материал большей частью скульптором берется как цвет, а как прочность и т. п. Скульптура, позолотенная, скульптура из цветного камня, майолика, а где и просто окраска массы.

Конечно, и монументальная тематическая живопись должна найти место в новой Москве и участвовать в ее оформлении, создании общего ритмического целого. Здесь, конечно, прежде всего должны быть применены все стойкие способы, которые нам известны, и может быть, найдены новые, противостоящие влиянию порождения.

Но надо надеяться, что архитектору Москвы пойдет навстречу живописи открытыми галереями, должными и т. п., которые могут создаваться и

в парках, и на площадях, и на улицах. На все подобные здания были распространены как укрытия от солнца, нам они не менее пущны и для прохлады в иные дни, а в иные от дождя, так как в современной Москве в сущности негде от него укрыться. Путешествие по таким галереям и отдых в дождя дает такое непосредственное интимное общение человека с архитектурой, которое трудно с чем-либо сравнить.

Эти же дожди и галереи могли бы, с другой стороны, предоставлять свои стены и платформы для росписи, для живописного рассказа о нашей истории, о нашей содержательной жизни.

Конечно, и тут перед нами встает большие трудности, осознать которые необходимо, чтобы их устранить. Мы уже получили большой опыт в руководстве тематической стороной живописей, но почти никакого опыта в руководстве ритмической, стилизированной стороной живописи не имеем. В то же время совершенно ясно, что только иногда подобная живопись или скульптура будет действовать, отделив рассказывающую свой сюжет. По большей части мы должны получить от ансамбля, в том числе и от живописи, общее ритмическое впечатление, которое должно владеть нами как бы и без нашего особого внимания; мы как бы всем телом, своими боками, а не только глазами должны чувствовать весь изобразительный комплекс как целое художественное произведение, а это возможно только при большой ритмической целостности.

Между прочим тут потребуются организационные меры, и в этом смысле возможно было бы организовать, подобные архитектурным, и скульптурные и монументально-живописные Мастерские как творческие объединения художников. Вот в общих чертах, в первой заметке то, что можно сказать о роли монументальной живописи в реконструкции Москвы. Мы же, монументалисты, надеемся преодолеть те трудности, которые перед нами естественно возникают, и внести и свою долю радостного творчества. Беседуя недавно во время отдыха, с товарищами по монументальной живописи, мы делились впечатлениями о самом процессе работы на стене и на фасаде дома, и все сошлось на том, что самый процесс работы тем-то напоминает не то путешествие на парусной яхте, не то восхождение на гору, не то сеюнок, — словом, действия, пронизанные воздухом, светом, пространством, связанные и непосредственно с природой и с творческой напряженностью.

ДОМ РАДИО

Московский радиодом будет самым большим в Европе сооружением этого типа. Он вместит в своих стенах редакции, 35 студий, радиотеатр на 2.000 слушателей, концертный зал и фойе.

Здание сооружается на месте недостроенного Мясницкого собора: корпус церкви, заключенный в стены дома, используется под студии. Верхнюю часть собора сломают. На ее месте поднят башню, в которой размещается редакция.

В связи с постройкой радиодома реконструируется вся Мясницкая площадь. Она расширится, украсится скверами. Перед наружным экраном Радиотеатра на площади будет воздвигнут гранитный амфитеатр для 10.000 зрителей.

Проект Дома радио.

«Аристотель Фиораванти и перестройка московского Кремля»

Издательство Всесоюзной академии архитектуры уже зарекомендовало себя выпуском ряда отличных книг. Издания «Академии» отличаются большим тематическим разнообразием: мы имеем среди них переводы классиков архитектурной практики и ее теории (Лео Багиста Альберти), классические труды по истории архитектуры (Шуазо), альбомы, журналы и труды, освещающие современные проблемы архитектурного творчества.

Недавно издательство выпустило книгу В. Снегирева «Аристотель Фиораванти и перестройка московского Кремля». Самый выбор и разработка темы свидетельствуют о желании издательства познакомить широкого читателя с одним из крупнейших мастеров древнерусского зодчества.

Автор работы обнаруживает знания всей существующей по этому вопросу литературы на русском и итальянском языках. Снегирев отнюдь не стремился дать научно-исследовательский анализ архитектурно-искусствоведческой проблемы. Зато жизнь и деятельность Фиораванти показаны им в условиях широкой историко-социальной перспективы: значия Италии и Московии XV и XVI вв. Книга написана живым и торжественным языком и украшена заставками, инициалами и концовками, восходящими к итальянским и западно-русским образцам XV и XVI вв. Этого жанра

«История архитектуры», т. 1, стр. 381.
Там же, стр. 384.

Здравствуй, Москва!

Б. АГАПОВ, М. КАУФМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Такова эта Москва — грязная, темная, пьяная, вороватая. Эти люди — больные, вялые, злые, подвластные и мечтающие о власти.

Такова эта Москва — грязная, темная, пьяная, вороватая. Эти люди — больные, вялые, злые, подвластные и мечтающие о власти.

Такова эта Москва — грязная, темная, пьяная, вороватая. Эти люди — больные, вялые, злые, подвластные и мечтающие о власти.

Странный площадь и Тверская улица в первой половине XIX века.

Вид на Москву, набережная Москва-реки у Каменного моста.

Показания свидетелей

«Город почти круглый; он окружен тремя рядами толстых стен, отдельные друг от друга улицами. Внутренняя ограда и находящаяся в ней аллегрия служат местом жительства императора.»

«Обширное протяжение города приводит к тому, что он не заключен ни в какие определенные границы и не укреплен достаточно ни стеною, ни рвом, ни раскатами.»

«Третья часть города называется Скороходом и с востока, запада и севера окаймляет Царь-город. Говорят, до татарского погрома эта часть имела двенадцать пять верст, или пять миль в окружности.»

«В стенах и за стенами города Москвы находилось много церквей, часовен и монастырей числом до двух тысяч, хотя некоторые из них так малы.»

«В Москве каждого иностранца велодать смотреть большую пушку и большой колокол, который свалился прежде, чем взорвался.»

«Музнейский мост, иностранная колония, неизвестно почему так названная, есть та часть Москвы, которая простирается на восток от Петровского театра, вся покрыта вывесками с крупными золотыми надписями.»

«Москва! Москва! Что в звуке этом? Какой отзыв сердечный в нем? Зачем так сроден он с поэтом? Так властен он над мужиком?»

«В тебе и новый мир и древний; в тебе пасут свои стада Патриархальные деревни, У Патриаршего пруда.»

«Город праздных разговоров, Ты в свою вмещалась грань Магазины кузнецов И рунны старых бань.»

«Смотрел царь-колокол, царь-пушку, Дивился русою старине, Попал у Иверской в ловушку; Мазурик ежупнул портмоне.»

«Поглядите, как на горке у купцов Много всяких огородов и садов; Не дома их на заборе, как тюрьма, Их светелки — это те же тюрьма. На дворе собаки злые, по ночам Они с лаем припадают к воротам;»

«Вдруг медленно, сначала едва заметное движение этих лезвий времени: назад. Стрелки идут назад. Все скорее. Еще скорее! Они свиваются в мутный вихрь. Все становится серым и туманным. Время несется обратно!»

«Маленький человечек шествует воле громадной своей спутницы в сопровождении попов и казна, курносый залок его, не скрывающий более парчевым облачением, вытирает, образуя на фреше складки. Последыша его волочут уже на руках, пока он не денегует... Но тем пышнее, тем немощнее стареется выглядеть и действовать режим. Шашка Скобелева занесена над Москвой — чутливый солдатский маятник, незеленый, увечный блином бесконечки, комичный в своей полицейской отгаде. За ним стоят такие же, как он по живые — охотничьи, горючие, члены «союза Михаила» — «истинные русские люди», отцы города, купцы отечества — полные хозяева страны.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

«Их фамильные портреты. Их кутюжи. Их женщины. Их миллионы.»

Показания свидетелей

«Фантастические сказки о том, как обстроилась она (Москва, после нашествия Наполеона в 1812 г. и пожара), обносили свет. Кому не прокричали уши о прелесть, с которой отпустил финик воспринял из огня.»

«Москва — город жанристов, по архитектору, скульптору и историческим живописцам в ней нечего смотреть, нечего делать. Массы зданий, разбросанных по пустырям, образуют множество красных картин и смело отменяют прежние планы крупных пейзажей, делавших эту древнюю столицу местом единственным в мире, потому что только она одна —»

«Восемьдесят неизбежное вторжения в нее европейца, с одной стороны, и в целостности сохранившегося элемента старинной неполноценности — с другой стороны, она вышла как-то причудливым городом, в котором прелесть и мечется в глаза перемешанные черты европеизма и азиатизма.»

«Раскинулась и растянулась она на огромные пространства; кажется, куда огромный город! а походите по ней, — и вы увидите, что ее обширность много способствует длинным, предлинным забора. Огромных зданий в ней нет; самые большие дома не то, чтобы малы, да и не то, чтобы велики; архитектурным достоинством они не сегодешья.»

«Многие улицы в Москве, как-то: Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская, обе линии по сторонам Тверского и Никитского бульваров.»

«Вечером, после привала, сделанного в Братовщине, в часу восьмом Москва была уже рукой подать. Верстах в трех полостатые верстовые столбы сменялись высеченными из лиственного камня пирамидами, и навстречу понесся тот спешившийся экипаж, которым в старое время отличалась ближайшая окрестность Москвы.»

«Москва! Москва! — молвила Алейкин на козлах. — Да, Москва! — повторила матушка, проворно зажимая нос. — Город! без того нельзя! Сколько тут просто народа живет! — вставила свое слово и Агана, просто-душно связывая присутствие неприятного запаха скоплением простонарья.»

«Молчаливыми первыми в то время считались: Старое-Вознесенье, Никола-Явленский и Успенский-на-Могилах. В первой половине Богомолец-ликарный протопоп, который, ходя во время всенощной с кадилом по церковной тропе, распылял себе дорожку, восклицал: «Place, mesdames!»

«Гусь, как известно из басни Крылова, Римский. Наш русский петушок не уцелел лицом в грязь и тоже занялся спасением. Спасет он... в русский стиль, и в этом стиле, как известно, почти все, и соседствие, и основы, и «слово», наши московские золотые, народ большей частью молодой и ужасно либеральный. Кляус не пьет, «Русь» не читает, в одежде корчат агламанов, но знают ничего не хотят кроме петушков. Римскому, готическому и прочим стилям уже давно по шапке. Остался»

«Волшебный град! Там люди в деле твоих; Но говорят, волнуются за двух; Там от Кремля, с Арбата и с Пюкихи — Отсюда вьет чисто русский дух;»

«О, родная Москва! о, любимая мать! Шлю тебе я привет свой сыновний! И тебя покидал и вернулся опять, И теперь ты еще мне любовной!»

«В тебе ли впервые я сердцем постиг Все блаженство с отчужденным взглядом? Не в тебе ли впервые мой нос ощутил Запах уличной пыли и грязи?»

«О, родная Москва! о, любимая мать! Шлю тебе я привет свой сыновний! И тебя покидал и вернулся опять, И теперь ты еще мне любовной!»

Рисунок из «Описания путешествия в Московию» Озерина (1634 г.).

О БЛОМОВ НА СОВЕТСКОЙ СЦЕНЕ

Впервые в истории русского театра роман А. И. Гончарова «Обломов» переделан для сцены.

Ленин писал: «Россия прорделала три революции, а все же Обломовы остались...»

В советской действительности нет социально-экономической почвы для «обломовщины».

Верно отнесся к стилю, к изумительному диалогу и к характеристике Гончарова, автор инсценировки

«Обломов» включен в репертуар Ленинградского Большого драматического театра и ряда периферийных театров.

50 НОВЫХ КИНО Генеральный план реконструкции гор. Москвы предусматривает

Для обсуждения всех вопросов, связанных с постройкой театров, ГУКФ создал специальную комиссию

Вопросы эпохи МИХ. ЛЕВИДОВ

Могучий ум великого французского математика Анри Пуанкаре лишь однажды оказался как бы в плену у обывательского мышления

Если б прожда он эти последние десять лет, если б дождался до наших дней, он увидел бы, впрочем, что против науки в капиталистическом обществе и перестал бы недоумевать.

Именно физиологом должна была быть произнесена эта речь. Какого имени — Кэннону, Хиллоу Липку, — значимости с такими новыми теориями

А между тем: фантастика физиологии — как генальная эта тема! Еще больше, чем представитель любой другой отрасли наук, должен не чууждаться фантазиям всякого крупного физиолога.

Старая Москва. Сухаревский рынок

ШИРОКИМ ФРОНТОМ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Т. И. БАБЕЛЬ, В. КИРШОН и И. ЛУППОЛ О КОНГРЕССЕ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ

Вернувшись на днях из-за границы писатели Бабель, Луппол и Киришон

И надо было видеть, с каким удовлетворением реагировала многолюдная рабочая аудитория Эстрадного театра

Доказаниями как бы писания между собой функции т. Киришон рассказал об атмосфере конгресса.

Эта закономерная неприязнь буржуазной морали к физиологии, как к науке в корне своем слепая, пришла очень характерное и рельефное свое выражение

Эта закономерная неприязнь буржуазной морали к физиологии, как к науке в корне своем слепая, пришла очень характерное и рельефное свое выражение

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Итак, мы еще не хозяева прекрасного человеческого тела.

Итак, мы еще не хозяева прекрасного человеческого тела.

Итак, мы еще не хозяева прекрасного человеческого тела.

Секретаря художники принесли с собой на конгресс свои сомнения, по для этой группы конгресс сам по себе оказался прекрасной школой

С большим вниманием было вслушивается сообщение т. И. Бабеля о революционных слухах в общественно настроении Франции, слухах,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

Соблазны физиологии в области литературы. Те, кто занимались проблемой научной тематики в художественной литературе 19 и 20 веков,

ИЗ ПРОШЛОГО МОСКОВСКОГО КИНО

Работниками Московского областного архива в фонде бывшей духовной консистории за 1909 г. обнаружены 15 фотокарточек

В деле имеется «корочнее» прошение от духовно-святых лиц к московскому митрополиту Владимиру.

«Смирно» принадлежав к стонам владыки, автор прошения просит «защитить христианскую веру от тьмы и его клеветы».

В заключение авторы прошения просят митрополита принять меры к тому, чтобы «зачтены были разного рода театры».

Протоиерею подписано дворянином Мясоедом от-иниатрием Вутулским, купцом Константиновым и другими не менее «именитыми» гражданами города Москвы.

Митрополит не остался глух к просьбе. В отношении к московскому градоначальнику Адріанову он пишет «Вашею радостью чувства скорби и волнения православных москвитич. имеют честь просить вас».

Особым приказом Адріанов запретил открывать кинематографы по соседству с церквями, приравняя их тем самым к кабакам.

Подобно своим наблюдениям на Западе и впечатлениям от конгресса, т. Бабель говорит о том, что искусство революции радости и ответственности.

— Хотите хорошо работать. От этого зависит и будущее и счастье человечества.

ДЕЛЬМАН

В деле имеется «корочнее» прошение от духовно-святых лиц к московскому митрополиту Владимиру.

«Смирно» принадлежав к стонам владыки, автор прошения просит «защитить христианскую веру от тьмы и его клеветы».

В заключение авторы прошения просят митрополита принять меры к тому, чтобы «зачтены были разного рода театры».

Протоиерею подписано дворянином Мясоедом от-иниатрием Вутулским, купцом Константиновым и другими не менее «именитыми» гражданами города Москвы.

Митрополит не остался глух к просьбе. В отношении к московскому градоначальнику Адріанову он пишет «Вашею радостью чувства скорби и волнения православных москвитич. имеют честь просить вас».

Особым приказом Адріанов запретил открывать кинематографы по соседству с церквями, приравняя их тем самым к кабакам.

Страдания молодого редактора

«Вот этот самый, которого искал распушкин, — это Курочкин.»

Мы оглянулись не успели, как человек переключился.

«Надо держаться!»

Вид у него был такой, что, дескать, если бы не его ослепляющий свет и тускло-осмотрительный редактор, дескать, поставь его на место редактора — он бы долго талантливо и уверенно повел свой журналистик

И вот столько только осторожному ответственному редактору удалиться в отпуск или там по каким-то своим делам, как нашего Неонида Людмилыча не узнать.

«Что ли вино этой власти бросилось ему, как молодой кормящей матери молоко, — в голову, то ли редактор, улавливая, наградив его всей своей осмотрической любовью».

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

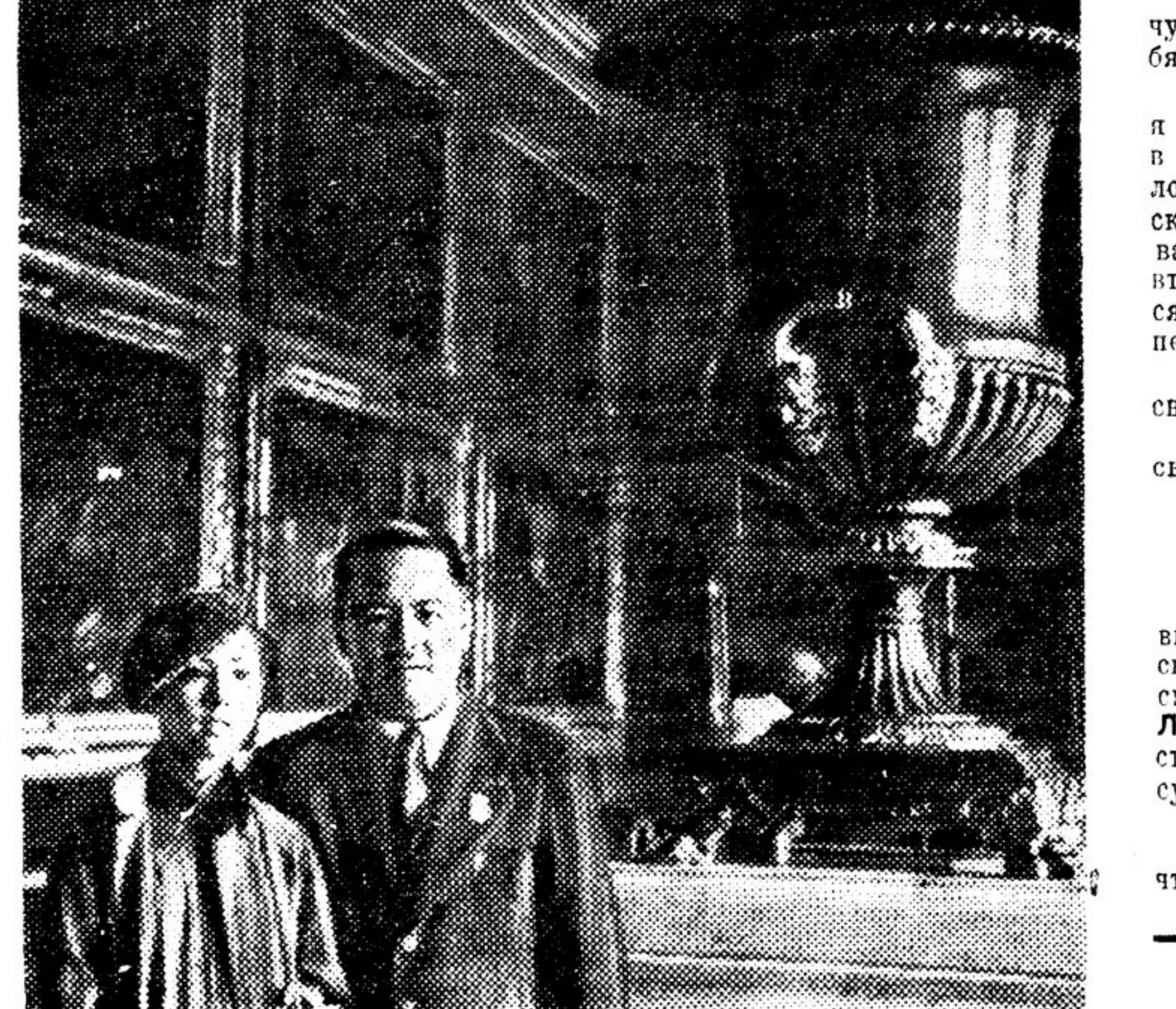
«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

«Вот видите, — говорю я, сколько потрясенный последний фразой моего собеседника, — или автор и его книга — это совершенно разное дело, или у нас с вами просто разные точки зрения.»

Делегат XV Международного конгресса физиологии проф. Эр-Лин (Китай) с дочерью в Эрмитаже

ма создала бы этот ад, в котором холода рождут для себя в ресторах и кабаках рабов. И Хексли не оригинален в своем коммюном прогнозе: он только воспроизводит в романе знаменитую полемику двух своих соотечественников биологов Холдэйна и математика Бертрама Рассела о «будущем науки».

И оно не остановится в робости перед этим пунктом порядка дня. Миропод физиология и переломной эпохи — советские ученые — очень четко формулировали две основных и революционных задачи, решения которых даст человеку полную власть над своим телом, сделает его освобожденным в биологическом плане человеком.

Итак, мы еще не хозяева прекрасного человеческого тела.

Итак, мы еще не хозяева прекрасного человеческого тела.

В БЮРО СЕКЦИИ КРИТИКИ

Бюро секции критики утвердило выводы комиссии в составе тт. Юзовского, Мирского и Пляско по рассмотрению конфликта между тт. Н. Ляшко и К. Зелинским в связи со статьей Н. Ляшко «Недоросельный судья» («Литгазета» № 30).

Видеомому, Неонид Людмилыч репринта не терять времени, сам, в оленочку, добравшись до сияющих вершин литературной славы.

«ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА» В авторизованном переводе Н. РОЗЕНЕЛЬ-ЛУНАЧАРСКОЙ печатается в журнале ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ № 8 КРОМЕ ЭТОГО НОМЕРЕ

ВАНДА ВАСИЛЕНКО — Облик дни — Изд-во иностран. рабочих, 1935 г. Стр. 240. Цена 3 р. 20 к.